

Выходные данные:

Бочаров А.В. Некоторые тенденции современного социально-политического протеста // *Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров* [Текст]: Сборник материалов всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове, 28-29 сентября 2017г. / Под редакцией проф., д-ра филос. наук М.О. Орлова. Саратов: Издательство «Наука», 2017. С. 26-31.

ISBN 978-5-9999-2859-7

Некоторые тенденции современного социально-политического протеста

Бочаров А.В., аспирант

*кафедры государственного управления и политических технологий
Уральского института управления – филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация. В статье рассматриваются направления динамики протестной активности в социополитической сфере с учетом закономерностей глобализации. Дается оценка классическим и современным факторам политического протеста. Подчеркивается актуальность исследований протестной политики в России в связи с происходящими в 2017г. оппозиционными акциями. Характеризуется роль популизма, «диджитализации», тематической повестки, институционального регулирования и других аспектов социально-политического протеста.

Ключевые слова: популизм, медиа, протест, цветные революции, институты

Протестная политическая деятельность сопутствует человечеству в течение длительного исторического периода становления и развития механизмов социального управления. Её философские предтечи встречаются в истоках основных религий, например, христианства («Наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей...»), Послание к Ефесянам, сих 6:12). О состоявшемся феномене политического протеста можно говорить с появлением первых политических лидеров, политических институтов и иных субъектов политики, которые и являются объектами-мишенями протестной деятельности, наполняют её целесообразностью и смыслом.

В настоящее время для политологического сообщества характерно конвенциональное признание того, что на современном этапе политический протест имеет более мирный и цивилизованный характер, нежели в предыдущие эпохи (когда норму представляли собой такие радикальные формы политического участия, как захваты общественных зданий, политические забастовки, террор и другие виды политического насилия). Вместе с тем, наблюдается усложнение факторов, влияющих на структуру и

динамику социальной активности и политического протеста как её разновидности. В ряду данных факторов – прогрессирующее развитие средств массовой коммуникации (цифровизация и хаотичная сегментация массового взаимодействия); быстро и зачастую непредсказуемо меняющиеся механизмы и принципы социальной стратификации (в том числе, по-новому звучащий миграционный аспект); релятивизация понятия государственного суверенитета [1, с. 62]; кардинальное изменение подходов к проблематике регулирования и нейтрализации социального, прежде всего, имущественного и инфраструктурного неравенства (в частности, концепции «helicopter money» [12] и безусловного базового дохода), формирующих новые общественные запросы к государству.

Новые условия, меняющие картину и остроту политического протеста, не устраняют его классических факторов, к которым можно отнести, к примеру, соотношение легальных и неинституциональных возможностей оппозиционной деятельности; социально-экономические показатели и демографические пропорции в обществе; стремление политических режимов к самосохранению и их готовность применять репрессивные меры; степень распространённости коррупции и других проявлений, воспринимаемых массовым сознанием как вопиюще-несправедливые, и т.п. Более того, новые и традиционные группы факторов находятся во взаимодействии, определяя актуальное состояние политического возмущения.

Злободневность в исследовании политического протеста подтверждена глобальными и локальными событиями. В публицистической и научной среде широко распространены мнения, согласно которым выражением усилившихся протестных настроений в мире стало голосование большинства избирателей Великобритании за выход страны из Европейского союза (Brexit) и избрание Д.Дж. Трампа президентом США в 2016г., а также участие лидера «Национального фронта» М. Ле Пен во втором туре выборов главы Французской Республики в 2017г.

В свою очередь, для России изучение политического протеста обретает новую актуальность в связи с участвовавшими массовыми акциями (например, 26 марта, 29 апреля, 12 июня 2017г.). Их масштаб (десятки городов участия) и лозунги (главным образом, против коррупции и несправедливости) впервые за несколько лет целиком имеют ярко выраженную политическую артикуляцию.

В настоящей статье автор предполагает выразить несколько ключевых тезисов, отражающих, на его взгляд, специфику и перспективы изменения феномена современного политического протеста.

Контур недовольства массового избирателя с новой силой определяет популизм, хотя ещё недавно казалось, что данное явление отходит на второй план, не устояв перед расширением политической просвещённости и появлением компетентного среднего класса. Однако всё больше исследователей посвящают свои работы ренессансу популизма как движущего фактора политического протеста [4]. «Популизм в политике — это свидетельство перемен, которые произошли в элите, в социальной структуре

общества, в политической культуре. <...> По своему культурному наполнению популистская риторика тождественна культурной инсценировке» [5].

Популизм притягателен для вдохновителей протеста как доступный «политический демпинг»: «левые говорят о коррупции политического класса, правые – что рабочие места отнимают мигранты. Технологические особенности популизма: опора на местных активистов, соцсети для взаимодействия и самораспространения контента (мемов и вирусных роликов), блоги от первого лица, горизонтальное управление и значительная роль харизматического лидера» [6]. Вооружившись новыми медиа-инструментами, посредством «вовлечения в коммуникацию чувственных и иррациональных областей сознания» новоявленные популисты и провокаторы могут достигать своих целей в сфере социально-политической манипуляции гораздо быстрее [9, с. 116].

Другая особенность развития протеста в современной политике состоит в том, что его стало гораздо сложнее прогнозировать и просчитывать тем, кто находится у власти. Как процесс массовый протест становится менее государственно-контролируемым. Причина – в технологическом переформатировании распространения массовой информации, рост недоверия к традиционным СМИ, которые длительное время являлись основным инструментом воздействия на массовую аудиторию. Кроме того, сдают свои позиции социологические опросы как привычный механизм мониторинга общественного мнения (дискуссия о несостоятельности социологических прогнозов развернулась в США после упоминавшегося выше избрания президентом Д.Дж. Трампа).

Нарастающая «диджитализация» - это та сторона современного политического протеста, которая вовлекает в него широкие массы молодёжи, чьи технологические компетенции объяснимо выше, нежели в старших возрастных группах. Классик в изучении политической революции как апогея мобилизованного протеста, американский учёный Дж. Голдстоун, характеризуя молодёжный фактор, ввел понятие «youth bulge» («молодежный бугор»). Тем самым обозначена превалирующая роль соответствующей демографической когорты в эскалации политического протеста. Несмотря на то, что в России, с её сравнительно малочисленным молодым населением, многие исследователи не признают за молодёжью роли решающего протестного авангарда, тем не менее, интенсивность и течение наиболее активных протестных акций, особенно в крупных городах, будут зависть от данной социальной группы [2, с. 377-378].

На формирование облика политического протеста в значительной мере влияет повестка – то, под какими лозунгами протестующие осуществляют свои акции. Некоторое время назад в экспертных дискуссиях доминировали взгляды, согласно которым в России на столичном уровне и в регионах, даже с учётом кризисных явлений в экономике, маловероятен массовый протест с политическими требованиями. Прогнозировались точечные выступления в отдельных регионах, с наиболее сложной социально-экономической ситуацией.

Однако в действительности (не в последнюю очередь, за счёт профессионального использования социальных медиа) протест не только перемещается на общенациональный уровень и даже получает международный резонанс, но и, как подчёркивалось выше, происходит явная политизация протестной повестки.

Имеются основания прогнозировать, что идейные, тематические поводы для массового протеста в современной России будут переживать преобразование за счёт объединения, взаимопроникновения локальной и общенациональной проблематики. В частности, профессор МГИМО, д. ист. н. В.Д. Соловей в качестве триггера для подъёма «волны провинциальных протестов» видит эксплуатацию лидерами общероссийских акций местных, очаговых проблем в крупных городах [3]. Речь идёт, например, об общественном недовольстве жителей Санкт-Петербурга намерением городского правительства передать Исаакиевский собор в ведение Русской православной церкви или о протестных настроениях в Екатеринбурге против возведения крупного православного храма на акватории городского пруда, а также о тяжёлой экологической ситуации в Челябинске и провоцируемом ею массовом возмущении. В Москве протест населения катализирует объявленная в 2017г. программа так называемой реновации старой жилой застройки, масштабы, поспешность и процессуальные стороны которой вызывают раздражение той части городского социума, которая прежде сторонилась активного политического участия.

Что касается географического измерения протестной турбулентности в России, то ещё в конце 2016г. эксперты отмечали сокращение «различий между традиционными центрами публичной активности за пределами Москвы и Петербурга (Свердловская, Новосибирская, Иркутская области, Башкортостан, Дагестан и др.) и другими регионами, до сих пор отстававшими по уровню протестной активности»: Дальний Восток, аграрный европейский юг России и Сибирь [8].

И на повестку, и на интенсивность будущих протестных выступлений может существенно повлиять форма и содержание реакции государственных институтов на уже состоявшиеся массовые акции. В первую очередь, тех институтов, которые со стороны государства имеют правозащитную функцию в качестве профилирующей и в целях предотвращения радикализации могли бы выступить буфером или даже медиатором между недовольной частью общества и властью. Например, Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, общественные палаты разного уровня, а также Совет по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ. Последний до настоящего времени проявляет наиболее острую реакцию на протесты 2017г. по сравнению с другими вышеперечисленными инстанциями. Вместе с тем, позиция данного органа отличается крайней неоднородностью.

Восприятие государственными правозащитными институтами своей роли как преимущественно бюрократической, их фактический отказ от защиты прав

протестующих могут спровоцировать рост общественного недоверия, разочарования и, как следствие, дальнейшую эскалацию протеста. В подобной обстановке «вакуум доверия» будут стихийно заполнять негосударственные правозащитные организации, движения волонтеров, оппозиционные политические партии и прочие альтернативные государству акторы. Из их рядов по всей вероятности выйдут новые харизматичные лидеры общественно-политического протеста.

Эксплуатация антикоррупционной символики и риторики становится непременным атрибутом участников политической борьбы, желающих усилить и возглавить волну общественного возмущения. Выдвижения конструктивных, позитивных лозунгов (например, обещание социальных благ, реформирование и улучшение образования и медицины) недостаточно для решения задачи манипулирования массовым сознанием посредством важной функции – включения и направления человеческих эмоций, особенно гнева как наиболее сильной из них.

Создание образов коррупционеров-вредителей, виновных в социальном неравенстве и несправедливости, и широкое распространение результатов «общественных расследований» коррупции, напротив, позволяют канализировать гнев протестующих и эффективно управлять им. «С профессиональной пропагандистской точки зрения процесс пробуждения сильных эмоций выглядит просто и даже примитивно... Зло/угроза представляются буквально демоническими... предлагаются сильнодействующие средства нейтрализации, точнее ликвидации зла/угрозы» [10, с. 199].

Эффектность идеологического компонента по противостоянию коррупции подтверждается изучением новейшего опыта политического протеста в зарубежных странах. Один из актуальных примеров – Румыния, которую с 31 января 2017г. на несколько недель охватила волна массовых протестов, поводом для которых стало недовольство новым нормативным актом, на уровне государства декриминализировавшим отдельные виды коррупции. На фоне непрекращающихся гражданских волнений парламент страны был вынужден проголосовать за проведение референдума по поводу антикоррупционных реформ.

Используя по аналогии понятийный вклад отечественного политолога Г.В. Голосова, предложим своё определение массовым волнениям на фоне недовольства официальными итогами выборов (референдумов) - электорально-индуцированный протест. Серию выступлений, обусловленных таким протестом, Россия пережила в декабре 2011г. после объявления Центризбиркомом сомнительных результатов выборов Государственной Думы VI созыва. Ранее, в 2003-2004гг. электорально-индуцированный протест стал отправной точкой так называемых «цветных революций», а именно: «Революции роз» в Грузии и «Оранжевой революции» в Украине.

С одной стороны, за истекший период авторитарные и полуавторитарные режимы выработали ответные практики предотвращения «цветных

революций» [11, р. 8-11]. С другой, - неоспоримо и то, что большинство «цветных революций» произошло без привязки к электоральным циклам (события «Арабской весны» или вторая украинская революция 2014г.). Поэтому протест против фальсификации выборов следует рассматривать не как обязательный предвестник революции, но как элемент революционной ситуации и вообще самостоятельно-сильный фактор нарастания массовой динамики.

Среди представителей российской политической элиты существует убеждённость, что «прививкой» от неконтролируемого распространения протеста служит сужение электоральной деятельности, т.е. сокращение избирательных кампаний и числа всенародно-выборных должностей и отчуждение массового избирателя от большинства тех выборов, которые ещё сохранены. В этой логике происходит, например, практически повсеместный отказ от прямой избираемости муниципальных глав (мэров), минимизируются возможности участия в выборах для непарламентских партий, пропагандистскими методами «сушится явка», неадекватно загромождаются электоральные процедуры (многомандатные округа и партийные списки на низовом уровне муниципалитетов – в первичных единицах политической системы, «муниципальные фильтры» для отсека неуместных претендентов на выборах руководителей субъектов РФ и т.п.).

Возникает иллюзия, что искусственно спровоцированный абсентеизм (уклонение от участия в выборах) внесёт в общество спокойствие, укрепит государственную стабильность, предотвратит политические конфликты и массовые протестные выступления, консолидирует граждан и отвлечёт их от деструктивного политиканства (в лице упоминавшихся выше популистов).

Однако подобные взгляды на купирование массового протеста несут гораздо большую опасность, нежели открытое проявление общественного недовольства. Возникает обманчивая видимость социального умиротворения, в действительности грозящая эффектом «затишья перед бурей». «Стреноживание» процедур регулярного общенародного волеизъявления, упование на высокие социологические рейтинги властвующих лидеров уничтожают действенные индикаторы общественно-политических настроений, разрушают легитимные механизмы обратной связи, разрешения политического противоборства и обновления власти. Одновременно происходят выдавливание протеста из легальных институтов, маргинализация и радикализация протестных акторов, повышение вероятности перехода к акциям гражданского неповиновения, сопровождающихся политическим насилием. Закономерный результат – формирование благоприятной обстановки для популистов и та самая дестабилизация, избеганию которой посвящались избыточные ограничительные и запретительные меры. То есть исход может оказаться прямо противоположным задуманному.

Выхолащивание демократического содержания из властвующих институтов имеет высокорисковые последствия, о чём предупреждает, например, профессор НИУ ВШЭ Петров Н.В.: «Плохие институты в случае

возникновения внешних факторов риска будут неспособны адаптироваться и приведут к политическому кризису» [7]. Причём росту политической напряженности в российских территориях способствуют такие, на первый взгляд, малозначительные факторы, как, например, сокращение числа депутатов на штатной основе в региональных законодательных органах, снижение оппозиционного представительства в них. Подобные процессы сужают поле легальной политической конкуренции, провоцируя усиление напряжённости и протестной активности.

Итак, по мнению автора данной работы, современный политический протест подвержен следующим тенденциям. Он испытывает на себе влияние глобальных факторов (цифровизация массовой коммуникации, преобладание социальных медиа-сетей над традиционными СМИ). Протестную повестку быстрее остальных подхватывает молодёжь, коммуникативный доступ к которой наиболее облегчён. Политический протест переживает философскую и дискурсивную трансформацию, облекается в форму культурной инсценировки, провокации, задействует сразу несколько каналов усвоения информации (включая иррациональные), благодаря этой доступности даёт вторую жизнь популизму. Быстро меняющаяся социальная реальность затрудняет прогнозирование динамики политического протеста привычными социологическими средствами. Протестную активность стимулирует проблематика засилья коррупции и социального неравенства как её производной. Россия в этом плане не является исключением.

В то же время политико-протестная активность россиян обладает своими специфическими чертами. Во-первых, в Российской Федерации происходит регионализация политического протеста: в массовые акции включаются ранее аполитичные территории, кроме того, происходит взаимопроникновение общенациональной и локальной тематик протестов. Во-вторых, рост общественного возмущения провоцируют действия и бездействие государственных институтов, в первую очередь, уполномоченных на защиту прав граждан перед угрозой силового подавления протеста. В-третьих, политическую напряжённость усиливает искусственно формируемый абсентеизм - целенаправленная политика по выхолащиванию демократических выборных процедур из деятельности органов государственного и муниципального управления. Дальнейшее исследование указанных трендов представляет теоретическую и практическую значимость.

Библиографические ссылки

1. Бочаров А.В. Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. – Сб. статей. – Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2016. С. 61-63.

2. Бочаров А.В. Участие молодежи в реализации «цветных революций»: прогнозирование и предупреждение // Современная Россия в лабиринтах развития: XV Всероссийский молодежный форум 26 апреля 2017г.

[Электронный ресурс] / Сост. О.М. Трофимова, К.С. Черемкина, М.А. Позднышев. – Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2017. С. 375-382.

3. Валерий Соловей: Власть была в растерянности вечером 12 июня // Собеседник. 13.06.2017. URL: <https://sobesednik.ru/politika/20170613-valeriy-solovey-vlast-by-la-v-rasteryannosti-vecherom-12-iyun> (дата обращения: 22.06.2017).

4. Век толп. Популизм и консервативный поворот. Дискуссия (Левинсон А., Гончаров С., Шульман Е. и др.). // Радио «Свобода». 26.02.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28328637.html> (дата обращения: 07.03.2017).

5. Кабацков А. Проблема в том, что за четверть века в России не сложилось политической элиты // Давыдов.Индекс. 24.04.2017. URL: <http://davydov.in/region/eisi-populizm-na-starte/andrej-kabackov-problema-v-tom-chto-za-chetvert-veka-v-rossii-ne-slozhiilos-politicheskoy-elity/> (дата обращения: 21.06.2017).

6. Кремлёвские эксперты придумали, как обуздать популистов // Ведомости. 24.04.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/24/686986-populizm-mire> (дата обращения: 20.06.2017).

7. Мухаметшина Е. Социальная и политическая напряженность в регионах после выборов выросла // Ведомости. 03.03.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/03/679788-sotsialnaya-politicheskaya-napryazhennost> (дата обращения: 02.04.2017).

8. Петров Н.В., Кынев А.В., Титков А.С., Зубаревич Н.В. Рейтинг социально-экономической и политической напряжённости регионов на 1 января 2017 года // Комитет гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/projects/2901/#9> (дата обращения: 13.05.2017).

9. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Изв. Уральск. гос. ун-та. 2008. - № 61. - С. 114-122.

10. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. - М.: Издательство «Э». 2016. – 320 с.

11. Finkel E. and Y.M. Brudny. 'No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia' // Democratization. 2012. № 19(1). P. 1-14.

12. Gilbert M. Milton Friedman's 'Helicopter Money' Is Looking Less Crazy // Bloomberg. 22.03.2016. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-03-22/friedman-s-money-dropping-helicopter-gains-speed> (дата обращения: 16.06.2017).